

© *Симоненко С.П.*

9. Козлова А.С. Имидж государства как неотъемлемая часть международных отношений / А.С. Козлова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: isras.ru/abstract_bank_congress4/442.pdf
10. Гринев И.В. Роль национальной Российской культуры в формировании международного имиджа страны : автореф. дис... канд. филос. наук : спец. 24.00.01 – Теория и история культуры / И.В. Гринев. – М., 2009. – 24 с.
11. Лазоренко К. Теряем стоимость страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ukrtudprom.ua/digest/Teryaem_stoimost_strani.html
12. Шевченко Г.В. Політико-інформаційний вимір державного брендингу України : автореф. дис... канд. політ. наук : спец. 23.00.03 - політична культура та ідеологія / Г.В. Шевченко. – К., 2009. – 21 с.
13. Лябухов И. В. Государственная политика по формированию имиджа Российской Федерации на международной арене : автореф. дис... канд. полит. наук : спец. 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии / И.В. Лябухов. – Пермь, 2011. – 23 с.
14. Бурганова Л. Конструирование имиджа государственной службы средствами массовой информации / Лариса Бурганова, Светлана Багайкина // Власть. – 2008. - № 3. – С.42-45.
15. Казанцев А.А. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» / А.А. Казанцев, В.Н. Меркушев // Полис. – 2008. - № 2. – С.122-136.
16. 16. Формирование образа России в современном мире: социокультурные механизмы // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – С. 81-91.
17. Михайленко Т.А. Имидж государства в мировом политическом пространстве: структурные модели формирования / Т.А. Михайленко, Т.П. Лебедева // Вестник МГУ.- Серия "Управление" . – 2011.- № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tm-communications.ru/article/12/imidzh-gosudarstva-v-mirovom-politicheskom-prostranstve-strukturnye-modeli-formirovaniya>
18. Политические коммуникации / ред. А. И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 332 с.
19. Безотосный И.А. Позитивный имидж России: конструирование и репрезентация символической социальной реальности : автореф. дис... к. ф. н. : спец. 09.00.11 – социальная философия / И.А. Безотосный. – Краснодар, 2011. – 23 с.

Симоненко С.П. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и политологии Одесского национального экономического университета.

УДК 113.4+37+301.2

МЕТОДОЛОГІЧНІ АСПЕКТИ КУЛЬТУРНО-ІСТОРИЧНОЇ ПЕРІОДИЗАЦІЇ СУСПІЛЬСТВА

В статті обґрунтовується доцільність застосування соціокультурної типології сорому та провини в якості базисного підходу до культурно-історичної типологізації суспільства.

Ключові слова: мотиваційно-поведінковий підхід, соціокультурна типологія, конкретно-історичні форми культури сорому, конкретно-історичні форми культури совісті, універсальний характер моралі.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

В статье доказывается целесообразность применения социокультурной типологии стыда и вины в качестве базисного подхода к культурно-исторической типологизации общества.

Ключевые слова: мотивационно-поведенческий подход, социокультурная типология, конкретно-исторические формы культуры стыда, конкретно-исторические формы культуры совести, универсальный характер морали.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF CULTURAL PERIODIZATION OF SOCIETY

In the article it is proved the feasibility of sociocultural typology of shame and guilt as the basic approach to the cultural and historical periodization of society.

Key words: *motivational-behavioral approach, socio-cultural typology, historical forms of the culture of shame, concrete-historical forms of culture of conscience, universal nature of morality.*

Современная культурология к основным своим задачам относит осмысление качественного своеобразия развития общества, обнаружение его движущих сил, критерии периодизации социокультурного процесса..

В настоящее время среди исследователей нет единства взглядов в том, благодаря каким движущим силам осуществляется исторический процесс, эволюционирует человеческая культура. Многообразие мнений можно объяснить тем, что история протекает в различное социальное время, на фоне различных географических сред, в различных культурах и цивилизациях с различными уровнями развития техники и производительных сил. Отсюда – в разных обществах в разное время доминирующими являются разные иерархии ценностей, различные религии, традиции, идеологии и т.д.

Разнообразие подходов к изучению общества в любом случае не должно восприниматься как необходимость поиска для «единственно верного», «самого научного» и т.д. Ведь общество представляет собой настолько сложную систему связей внешних и внутренних, материальных и духовных, что все существующие подходы безусловно имеют право на существование, поскольку позволяют подойти к изучению того или иного социального феномена с разных сторон, а следовательно понять его глубже, воспроизвести его в теоретических конструкциях более полно и комплексно.

В разные времена в разных культурах люди воспринимают и понимают мир настолько своеобразно, что попытки вложить все разнообразие проявлений человеческого бытия в «прокрустово ложе» какой-то универсальной, единственной для всех культур теории развития не только не будет способствовать его пониманию, но и, наоборот, - приведет к догматизации научного знания, а при условии мощной институциональной поддержки – к серьезным и непредвиденным по своим масштабам социальным катаклизмам.

Сегодня преобладающее большинство отечественных философов пришли к согласию в том, что анализа одних только объективных критериев, для того, чтобы понять сущность исторического процесса, абсолютно недостаточно. Долгие годы засилья в нашей стране марксистской методологии со всей очевидностью доказали это. К его изучению необходимо подходить не только с точки зрения объективных, но и с соответствующими этим эпохам субъективными критериями, носителями которых были прошлые поколения, изучать их как-бы изнутри, имманентно, осознать, не навязывая прошлому наших современных оценок, внутренние причины культурных явлений, ценности и идеалы, не только материальные, но и лежащие в основе человеческого мирозерцания духовные потребности. Ведь именно в действии этих личностно-субъективных факторов и заключается значение культуры в формировании и саморазвитии человека как сознательно действующего существа. Они, в свою очередь, напрямую связанные с нормами и образцами человеческого поведения, которые возникают в результате деятельности по усвоению мира и одновременно выступают в качестве элементов сложного механизма регулирования всех форм жизнедеятельности общества.

Пожалуй, наиболее радикальная критика основных принципов и положений философии Модерна, и, в частности, объективистского подхода к пониманию сущности социокультурного процесса (Новое время), принадлежит философии постмодернизма (Ф. Лиотар, Ж. Дерида, Ф. Джеймисон, Ж. Бодрийар). В нем впервые появляется новое представление о культуре как о бесконечной игре субъективных смыслов, интерпретаций и значений. Культура понимается как единый текст (интертекст), который является пространством действительности смысла, а источником его конституирования стают разного рода текстуальные разрывы, пропуски, следы и т.д. Однако, вследствие этого целесообразность поиска вариантов типология как средства конституирования смысловой структуры действительности была поставлена под сомнение, поскольку сама эта действительность неразрывно связана с субъектом. К позитивным же моментам критики, которую осуществляли представители философии постмодернизма следует отнести попытки поиска новых концепций модерности, в которых возрождается понятие субъекта, что обуславливают в свою очередь

обращение к типологии на новых основаниях. А. Турен, например, считая неизбежным в науках об обществе отказ от понятий общества, эволюции, выдвигает в них на первое место существенно модифицированные понятия историчности, социального движения, субъекта.

Среди многих функций, которые выполняет культура, одной из важнейших является регулятивная функция, которая в той или иной мере определяет поведение человека. Особенности культуры в первую очередь проявляются в глубинной структуре стереотипа поведения. Другими словами, это такое поведение, которое выражая "типичные программы" данной культуры, регулирует поведение в стандартных для определенного сообщества ситуациях. Как отмечал известный советский культуролог Ю.М. Лотман, «для общества существуют вовсе не все поступки индивида, а лишь те, которым в данной системе культуры приписывается некое общественное значение» [4, с. 297]. А поэтому при рассмотрении сущности культуры вообще и каждой конкретной исторической эпохи, в частности, в центре внимания должен быть вопрос определения места человека в системе общественных связей, осознания внутренних мотивов и побуждений, которые приводили его к социальным и идейным коллизиям.

Начиная с 1930-х годов, в США появляются первые серьезные исследования влияния социокультурных феноменов на личность, которые оформились в самостоятельную научную школу под названием «Культура и личность». Предметом исследований американского этнопсихолога М. Мид (одной из основательниц школы) и ее коллег антропологов Р. Линтон и К. Дьюба, психоаналитика А. Кардинера и др. стали обычаи, верования и обряды представителей бесписьменных культур с целью выявления особенностей их социализации а также их индивидуально-личностных характеристик. Придя к выводу о определяющей роли культуры, исследователи выдвинули тезис о существовании в рамках определенных культур доминирующего типа личности – базовой личности. Как считает А. Кардинер, базовая личность – это «... техника размышлений, система безопасности (то есть стиль жизни, посредством которого человек получает защиту, уважение, поддержку, одобрение), чувства, мотивирующие согласованность (то есть чувство стыда или вины) и отношение к сверхъестественному» [2, с. 321]. Со временем понятие базовой личности было дополнено понятием модальной личности, которая понимается как наиболее часто встречающийся в культуре тип личности, обнаруженный эмпирическим путем. Базовая структура личности, по мнению представителей школы «Культура и личность», во многом определяется теми требованиями, которые выдвигаются социумом к индивиду и, что немаловажно, способом и формой передачи социально значимых норм и правил поведения в процессе его воспитания. Так, по мнению А. Кардинера, покладистый и миролюбивый характер представителей племени зунти обусловлен закрепленным в структуре туземного общества сильнейшим чувством стыда. Последнее является результатом жесткого воспитания: ребенок целиком зависит от родителей, подвергается наказанию за малейшие проступки и т.д. По мере взросления человека страх перед наказанием переходит в страх быть осмеянным окружением, что обязательно сопровождается чувством стыда и вины за недостойное поведение.

Учитывая то обстоятельство, что характер социальной организации предполагает наличие определенного базового типа личности с характерной для нее системой ценностей, специфическими смысловыми установками и отношением к миру (природа и общество), мы предлагаем ключом к пониманию социокультурных характеристик человека конкретной эпохи, а следовательно и к ее культуре в целом рассматривать культурологические категории страха, стыда и вины, которые в целом совпадают с тремя раскрывающими процесс становления человека в системе культуры и принятыми в философии и психологии уровнями морального сознания индивида : доморальным уровнем и уровнями конвенциональной и автономной морали [3, с. 296-297].

Если на уровне конвенциональной морали создаются лишь предпосылки собственно морального сознания (автономной морали), поскольку внешне заданные обществом нормы и требования на этом уровне еще не предусматривают внутреннего согласия с ними индивида, то для автономной морали такая внутренняя согласованность является обязательной. Кроме того, культурологические категории страха, стыда и вины в целом отвечают главным типам социальной регуляции естественно-инстинктивному, общинно-групповому и личностному. Поскольку страх имеет естественно-биологическую основу, то он не может в качестве формы социального контроля претендовать на статус доминирующей, оставляя такую возможность соответственно стыду или совести.

Стыд как сугубо социальное явление представляет собой ориентацию, главным образом, на значимое для индивида окружение, на общественное мнение. Преодолевая естественно-

биологические основания страха, стыд, тем не менее, феноменологически окончательно связь с ним не утрачивает, обнаруживая его теперь уже в снятой форме. В условиях социума, особенно на самых ранних этапах его существования, этот страх имеет совсем другую, не биологическую основу, а исключительно социальную. В его основе лежит не инстинкт самосохранения, ощущение опасности не за свою собственную жизнь, а за жизнь значимых для индивида других, его непосредственного окружения, без которого он не мыслит своего существования. Это страх перед последствиями, которые грозят всему коллективу, вследствие нарушения определенных норм и правил поведения в социуме. Кроме этого, в основе некоторых проявлений стыда лежит страх общественного позора, который иногда может быть сильнее страха смерти или физического наказания.

Главным критерием, отличающим стыд и вину, является уровень интериоризации социальных норм. Стыд - механизм общинно-родовой или внешний. В то время как вина, предполагающая более высокий уровень интериоризации норм, означает появление индивидуально-личностного, внутреннего контрольного механизма - совести. Последняя, в свою очередь, предполагает наличие каких-то универсально-значимых, надиндивидуальных и надгрупповых ценностей" [3, с. 297].

Феномены стыда и совести являются одной из наиболее сложных проблем философии и вместе с тем мало изученными. В истории философской мысли данная проблема раскрывается большей частью через понимание категории вины, которой значительное внимание уделяется, начиная от античности до нового времени (Гераклит, Аристотель, Эмпедокл, Сенека, А. Блаженный, П. Абеляр, Б. Спиноза, И. Кант, Г. Гегель, Ф. Ницше). В XX ст. данная универсалия занимает особое место в философии экзистенциализма (М. Хайдеггер, С. Кьеркегор, К. Ясперс, Ж.П. Сартр), психоанализе (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм). Дана также ее социально-психологическая интерпретация (А. Швейцер, К. Лоренц, П. Сорокин).

Следует, однако, отметить, что различные школы и направления затрагивали в своих исследованиях проблему стыда и вины лишь в тех аспектах, в которых она могла быть скоррелированной с важнейшими направлениями своих исследований. Такой ситуативный подход к данным категориям порождает их достаточно расширительную трактовку, нечеткое их разделение, что, в свою очередь, существенно затрудняет рассмотрение их взаимосвязи с другими формами социального контроля. При этом внимание акцентируется преимущественно на этической или психологической природе данных явлений при явной недооценке их социально-культурной составляющей. До сих пор в научных исследованиях отсутствуют общепринятые определения данных универсалий, а разнообразие их описаний и классификаций указывают на односторонний взгляд на проблему. Именно их общезначимость, то обстоятельство, что каждый человек сталкивается с их проявлениями практически постоянно в течение своей жизни обуславливает несколько упрощенный подход к пониманию их природы, отсутствие определенности самого предмета исследования.

Интерес исследователей культуры к анализу стыда и вины в качестве регуляторов социального поведения особенно вырос с появлением знаменитой книги Р. Бенедикт "Хризантема и меч: модели японской культуры"(1946), где она рассматривала эти регуляторы человеческого поведения в качестве стержневого измерения культур. Р. Бенедикт является одним из основателей этнопсихологического направления в рамках американской школы культурной антропологии, который опирается на собственный понятийный аппарат, методологию и методику исследования. Суть предложенной Р. Бенедикт типологии заключается в том, что необходимо различать культуры, которые делают ударение на стыде, и культуры, которые делают ударение на вине. Японскую культуру Р. Бенедикт рассматривала в качестве типичной культуры стыда, в противовес культуре вины Запада. Если в основе европейской культуры, по мнению Р. Бенедикт, лежит понятие долга - перед Богом, перед государством, родиной, самим собой, наконец, которым сознаются в совершенных поступках, то основным мотивом японцев является забота о собственной репутации, производимом на значимое окружение впечатлении. В отличии от европейца, которого тяготит вина, японцу ни раскаяние, ни исповедь облегчение не принесут. Его поведение исключительно проявляется в обостренном восприятии оценок окружающих, устойчивом стремлении избегать ситуаций, которые бы влекли за собой общественное порицание и осуждение.

Со временем, однако, результаты кросс-культурных исследований дали основания значительной части исследователей усомниться в четкости и действенность критериев, на основании которой возможное разделение культур на культуры стыда и вины. Отказавшись от использования этой типологии, они пришли к согласию в том, что не существует дискретных культур стыда и вины в чистом виде, на том основании, что указанные формы социального контроля присутствуют в каждой

из культур. Настаивая на том, однако, что феноменология и структура стыда и вины является одинаковой во всех культурах, они, тем не менее признают в зависимости от других особенностей культур разную интенсивность их влияния на социальное поведение индивидов как и разную частоту проявлений у них чувств стыда и вины. Если же поставить их в прямую зависимость от специфики структуры общественных отношений, то можно говорить об очевидных качественных отличиях в том, какое значение им предоставляется в разных культурах и насколько высоко они оцениваются.

Более того, ряд авторов выделяет культурно-специфические формы стыда и вины [6, с. 192]. Идет речь, в частности, о так называемом "разделяемом стыде" (стыд за «своих»), который распространен в Японии и редко встречается в западной культуре. Исключением, разве что, могут быть некоторые северные народы. Например, в финском языке осталось слово «*myötähäpeä*», которое означает чувство стыда за совершенный кем то поступок. Наличие этой лексемы указывает на высокие этические нормы финнов.

Вместе с тем, абсолютное большинство тех исследований, которые так или иначе касались проблемы социокультурной типологии стыда и вины, сводились к анализу и изучению культур, существующих на сегодняшний день, являются полностью сформированными и определенными в своих базовых характеристиках. Другими словами, такие культуры являются такими себе монолитными, неподвластными времени образованиями, претендующие на статус культурных парадигм, которые "работают" не столько на сближение друг с другом в противоречивом современном мире, сколько на их разграничение.

Более перспективным, по нашему мнению, может быть применение культурной типологии стыда и вины не в синхронном (горизонтально-пространственном измерении), сравнивая одну культуру с другой, а в диахронном (вертикально-временном), исследуя какую-то определенную культуру в ее историческом развитии. Рассмотрение взаимодействия данных форм социального контроля через призму социокультурного процесса в исторических рамках, исследуя эволюцию семантики данных категорий позволит создать более надежную методологическую основу для формирования концептуального подхода к осмыслению их роли в процессах социокультурной регуляции.

Каждая культура представляет собой сверхиндивидуальный организм, который переживает своих творцов - представителей разных исторических эпох, - в сотнях и даже тысячах их поколений, вбирая в себя от каждого из них какую-то частицу того, из чего в конечном счете и складывается культура в ее уникальности и неповторимости. Ведь содержание культуры главным образом обуславливается характером деятельности людей, ценностями, какие они исповедуют, в соответствии с которыми формируется система поведения на разных этапах развития человечества. Это значит, что культура в целом может быть проанализирована и описана понятиями этологии - науки о поведении животных и людей. В свою очередь, применение мотивационно-поведенческого подхода к изучению истории культуры дает возможность через понимание специфики межличностных отношений, через воссоздание системы "человек-общество" раскрыть и суть культуры в целом и каждого ее периода, - в отдельности.

Известно, что исторический процесс протекает неравномерно, хотя и имеет определенную ритмику. Если авторы линейных схемы социокультурного развития акцентируют внимание на уникальности и неповторимости каждого этапа в истории человечества, ее необратимости, то, скажем, в волновой концепции развития культуры П. Сорокина идет речь о том, что мир пережил уже не один цивилизационный кризис, однако всегда перерождался опять. Он выделял три системы ценностей, своеобразные идеально- типовые конструкции, которые естественным образом сменяют друг друга в случае упадка одной из них, спасая, таким образом, очередной раз человечество от гибели. Как и его предшественники О. Шпенглер и А. Тойнби, Сорокин утверждал, что каждой культуре присуща своя динамика жизни, специфическая смысловая структура культурно- исторической действительности. Все культуры проходят исторические фазы происхождения, роста, созревания, увядания, упадка и распада. Не разделяя пессимистические пророчества Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера касательно будущего западной цивилизации, он был убежден, что смерть культуры не носит необратимого характера. При этом, ни одна культурная система не заключает в себе всю истину, так же как и ни одна из систем не является целиком ошибочной. "Каждая из систем частично истинна и достоверна, предоставляя знание важнейших аспектов сложной объективной реальности" [5, с. 474].. Культура жива до тех пор, пока жив человек, а значит, всегда остается надежда на ее возрождение и обновление. Культура выступает как оценочное понятие и трактуется как мера очеловечивания природы и общественных отношений и как показатель

человечности общества.

По нашему мнению, типология стыда и вины является полностью приемлемой и достаточно производительной для исследования именно западной культуры, которой присущий динамизм, постоянное стремление к изменениям, движение к совершенству, идеалу, к тому, к чему она каждый раз приходит через кризис, разочарование в предыдущих ценностях. Предлагаемая схема социокультурной динамики способна соединить в себе черты как линейных, так и волновых схем, а история Запада может быть представлена в виде культур стыда и совести, которые поочередно сменяют друг друга. Причем, следующие, новые культурные образования не являются простым повторением прошлых, старых образований, лишь возвращением к ним, а имеют свою специфику, особенности, которые являются своеобразным синтезом как предыдущих, так и современной эпох. Другими словами, семантическое наполнение категорий стыда и совести имеет конкретно-историческую обусловленность. Меняясь от эпохи к эпохе, они могут служить яркими показателями роста самосознания индивида и общества в целом. На этом основании можно говорить как о конкретно-исторических формах стыда (первобытной, античной, средневековой, новоевропейской), так и совести (поздней античности, ренессансной, новейшей эпохи).

Целесообразность обращения к данным культурологическим категориям вытекает, в свою очередь, из универсального характера морали, которая имеет тесную связь практически со всеми формами духовного производства и сферами общественных отношений и, в силу этого, способная интегрировать результаты всех других способов отображения действительности. Второе важное обстоятельство заключается в том, что любое явление культуры - это, в первую очередь, продукт человеческой деятельности, которая обязательно реализуется в определенных формах социального поведения. А поскольку мораль пронизывает все виды общественных отношений и проявляется как аспект любого вида социальной деятельности, то характер поведения людей, формы и стиль их общения, социально значимые нормы конкретных эпох могут служить основой для анализа и воссоздания социокультурных систем общества углубления специфики таких явлений культуры, как традиции, верования, структура власти, искусство и тому подобное, которые не могут быть раскрыты в полной мере, скажем, оставаясь в рамках традиционного подхода, основанного на общих принципах историко-материалистического анализа.

Понять исторически осознаваемые формы социального поведения людей значит понять и качественно отличные этапы человеческой культуры, постигнуть ее историю. Именно через исторически обусловленное и соответственно нашедшее в сознании людей мотивационно-моральное обоснование форм социального поведения открывается возможность показать действительные связи культуры со всеми формами деятельности человека, ее духовными потребностями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч. М. Наука, 2007.
2. Веселкин Е.А. и др. Этнология в США и Канаде. М., 1989. Наука.
3. Кон И.С. В поисках себя. М.: Наука, 1984.
4. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С.296-336.
5. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.:Наука, 1992.
6. Стефаненко Т. Этнопсихология М.:Инст. психологии РАН "Академический проект", 1999.

© Соловьёва Н. А.

Соловьёва Н. А. – аспирантка кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

УДК 316.74:78

ЗАХІДНА ТА ВІТЧИЗНЯНА ТРАДИЦІЇ В СОЦІОЛОГІЇ МУЗИКИ

У даній статті розглядаються питання виникнення та становлення основних напрямків західної, радянської та пострадянської української соціології музики, їх порівняльний аналіз.

Ключові слова: соціологія музики, спеціальна соціологічна теорія, соціокультурне середовище.

ЗАПАДНАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИИ В СОЦИОЛОГИИ МУЗЫКИ

В данной статье рассматриваются вопросы возникновения и становления основных направлений западной, советской и украинской социологии музыки, их сравнительный анализ.

Ключевые слова: социология музыки, специальная социологическая теория, социокультурная среда.

WESTERN AND NATIVE TRADITIONS IN THE SOCIOLOGY OF MUSIC

In this article the questions of genesis and becoming of the main directions of Western, Soviet and Ukrainian sociology of music are considered and their comparative analysis.

Key words: sociology of music, special sociological theory, sociocultural environment.

Последние десятилетия XX века ознаменовались масштабными экономическими, политическими и социальными процессами. Эпоха Постмодерн расставила свои акценты в понимании и осмыслении музыкального искусства, существенно видоизменив подавляющее большинство приоритетов общественно-культурной среды. Так музыка, которая ранее осмысливалась как особый аспект эмоциональной сферы общества, играющий скорее прикладную, чем мировоззренческую роль, на сегодня приобретает поликультурный характер. Она все чаще вторгается в мировоззрение человека, оказывая тем самым влияние на жизненные и стилевые позиции современников.

Наша действительность с ее информационно-коммуникативными возможностями дает человечеству шанс услышать «контемпоральное» звучание музыки. И это будет та музыка, которая затрагивает широкий пласт социокультурного пространства, который охватывает не только разнообразные стили и жанры, но и весь комплекс духовно-эмоциональной жизни современного общества. В некотором смысле, можно перефразировать известное изречение применительно к ситуации в музыкальной социокультурной среде: «Скажи мне, какую музыку ты слушаешь – и я скажу тебе, кто ты».

Социологическая наука не могла не отреагировать на происходящие изменения, и в научном дискурсе последних лет все чаще встречаются работы, которые можно отнести к почти забытой специальной социологической теории социологии музыки. Сегодня в ней преобладают исследования в области массовой музыки, решающие целый ряд вопросов, связанных с ее влиянием в локальном и глобальном масштабах. В большинстве своем исследователи обращают свое внимание на изучение качественных характеристик современной музыкальной аудитории.

Сегодня существует достаточное количество разного рода определений понятия «социологии музыки». Нам представляется наиболее полным и обстоятельным в научном плане и перспективе трактовка социологии музыки как специальной социологической теории, «которая изучает взаимодействие музыки и общества, влияние конкретных форм ее общественного бытования на музыкальное творчество, исполнительство и публику; изучает общие закономерности развития музыкальных культур и их историческую типологию, формы музыкальной жизни общества, различные виды музыкальной деятельности, особенности музыкальной коммуникации в разных социальных условиях, формирование музыкальных потребностей и интересов различных социальных групп общества, закономерности исполнительских трактовок, проблемы доступности и популярности музыкальных произведений» [13].

Целью нашей статьи является сравнительный анализ основных направлений в западной и отечественной социологии музыки.